

О л ь г а Ф и к с

Сказка о городе Горечанске

МОСКВА 2020

УДК 82-93
ББК 84(2=411.2)6-4
Ф50

Оформление
Валерий Калныньш

Иллюстрации
Капыч

Фикс, О. В.

Ф50 Сказка о городе Горечанске / Ольга Владимировна Фикс. —
М. : Время, 2020. — 304 с. — (Время — юность!).

ISBN 978-5-9691-1922-2

«Все оборотни и прочие промежуточные сущности, согласившиеся помочь в проведении учебного процесса, получают в конце семестра дополнительный балл по моему предмету». Промежуточные сущности, а также кентавр Костя, черная дыра Володя (космический объект тоже может стать личностью!), мавки, кикимора, водяной, говорящий хряк Васисуалий живут и работают в Горечанском аграрно-промышленном колледже, куда москвичка Аня поступила после 9-го класса учиться на ветеринара. Как и в предыдущих книгах Ольги Фикс («Улыбка химеры», «Темное дитя»), сказочные герои и реальные люди прекрасно ладят между собой. Особенно если их объединяет такое важное дело, как освобождение из темницы Жар-птицы, сторожит которую, естественно, Змей Горыныч. Увлекательно, остроумно и очень содержательно: масса достоверных сведений из биологии, анатомии, животноводства и мифологии. Стоп: разве сведения из мифологии могут быть достоверными? А как же! Ну кентавр, что ж тут такого. «...Простой, обыкновенный мальчишка. Ну да, немножечко на четырех ногах, с копытами и с хвостом, но судя по тому, как он разговаривает... И с чего она к нему вдруг на “вы”?»

ББК 84(2=411.2)6-4

ISBN: 978-5-9691-1922-2

9

7 8 5 9 6 9 1 1 9 2 2 2

© Фикс О. В., 2020

© «Время», 2020

Кентавр

Из сочинения студентки первого курса Горечанского аграрного колледжа Елизаветы Смеляковой

Он родился в нашей конюшне. Отец его неизвестен. Зато его мать, Гусарку, самую спокойную кобылу из конюшни сельхозтехникума, знают все. Именно на ее спине все мы когда-то постигали азы верховой езды.

Но рос-то он, конечно, не в конюшне, а в обыкновенном доме. В семье преподавателей веттехникума Цветковых. Олег Степаныч преподавал общую терапию сельхозживотных, а жена его, Лидия Анатольевна, наоборот, эпизоотологию. Они забрали кентавренка домой, усыновили его и назвали Костей.

Родная их дочка, Наташа, к тому времени уже выросла, закончила иняз и сама уже преподавала. Английский и немецкий, в Троегорской одиннадцатилетке. Там же и жила, в общежитии для работников фабрики.

Так что Костя, поначалу мелкий и сравнительно компактный, сперва спал в Наташиной комнате на втором этаже, а после, когда подрос и стало ему тесновато, Цветковы пристроили ради него третий этаж. Этакий чердак-конюшню, теплый и удобный.

Для этого им пришлось перекрывать крышу — чтобы потолок не проваливался, когда Костя ступал там у себя по полу могучими своими копытами. Но им это было в радость, они ж его любили, прям как родного сына или там внука. Тем более Наташа замуж долго не выходила и внуков своих у них не было.

Лицо у Кости длинное, немного лошадиное, с широкими скулами и большими серо-голубыми глазами. Волосы черные и густые — настоящая грива, начинаются прямо со лба красивым мыском и спускаются ниже плеч. Стричь он их не любит, даже в детстве никогда толком не давал, вечно все лягался-брыкался.

Плечи широченные, всякие там бицепсы-трицепсы. На животе ромбики. Майку скинет — глаз не отведешь. За этим Олег Степаныч следил. Все время Косте внушал, насколько важна его верхняя часть. Ведь это что же будет, если внизу совершенство на четырех ногах, а сверху дохлый хлюпик-очкарик?

Олег Степанович очень переживал из-за Костиной близорукости и возможности ранних очков, а лошадей считал совершеннейшим созданием природы.

А Костя еще, как на грех, читал, как говорится, за поем. Это Лидия Анатольевна была виновата. Показала Косте буквы еще до школы, объяснила, как из них складываются слова. А потом еще Наташка, сестрица названная, не иначе как из ревности обучила братца читать на английском и немецком. Вот Костя с тех пор и читал, за уши от книг не оторвать было! Сперва домашнюю библиотеку всю прочел, потом техникумовскую, Троегорскую, Энскую. Мечтал теперь до Курской добратся.

Так что не будь приемный отец начеку, вырос бы кентавронок полным ботаником. Тощим, сутулым, со впалой грудью, рахитическим разметом и проваленным хребтом. А кому такое, спрашивается, надо?

Учился Костя все девять лет хорошо. Отлично даже, можно сказать, учился. Он бы и в десятый потом пошел. Да только не было у них в школе десятого. Одиннадцатилетка у нас в районе только в Троегорье. Со всей округи ребята туда на автобусах ездят. Ну если кто, конечно, хочет. Потому что не все же хотят. Но на один-то класс каждый год набирается.

А Костя хотел, конечно. Но только он в автобус к тому времени уже не помещался. А рысью туда или галопом каждый день не набегаешься, тридцать км туда да обратно. Так можно эмфизему запросто зарабатывать, запалиться то есть, ежели по-простому.

Так что у Кости, кроме нашего сельхозтехникума, ну или по-новому если — агроколледжа, других вариантов не было. По стопам приемных родителей на ветеринара учиться.

Ну и ничего страшного! Все знают, что химия с биологией у нас в техникуме лучше, чем в любой школе. Не сравнить даже! И биофизика даже есть, и метеорология. И поступают к нам вовсе не одни деревенские. К нам, между прочим, со всей области съезжаются. Из Энска, из Терпигорева, из Курска иногда даже.

Тем более скотину всякую Костя с детства любил — свиней там, овец, коров и всяческих собак-кошек. Не говоря уж о лошадях.

О лошадях Костя и без техникума все знает. Сам ведь их породы.

Поезд шел долго. На стыках его сильно трясло, и тогда Бумс, которого слегка подбрасывало на полу, поднимал голову и рычал. Ему все это не нравилось, но он был послушный. Сказала Аня лежать — он и лежал. Чего не сделаешь, раз надо.

Сама Аня свернулась калачиком на верхней полке. Ей довольно быстро надоело смотреть в окно — все равно за ним ничего не видно, кроме бесконечных угольных насыпей и лесозащитных полос. Только иногда на горизонте возникали скопления покосившихся избушек, или широкие пустые поля, или темные, похожие на лужи озера. Или по нескольку километров подряд чернели одни леса.

Но толком ничего нельзя было разобрать, одна сплошная серая полоса с редкими просветами полустанков, мелькавших перед глазами так быстро, что и названий не успеваешь прочесть.

Неожиданно поезд замедлил ход. Тоскливо взвизгнули тормоза.

— Тебе Горечанск? — спросила, пробегая мимо, проводница. — Тогда быстренько! Стоянка четверть минуты.

Аня птичкой слетела с полки, подхватив рюкзак. Бумс, чувствуя, что происходит что-то важное, вскочил и громко рывкнул на весь вагон.

— Тихо ты! — шикнула на него Аня. Они понеслись в тамбур, наступая на чьи-то мешки, чемоданы, ноги и без конца извиняясь. Арчи у Ани под курткой изо всех сил вцепился ей коготками в плечо, возмущенно цыкая зубом. В банке на дне рюкзака громко хлюпала вода.

Они успели вовремя. Проводница как раз убирала лестницу. Ей пришлось посторониться, чтобы дать им пройти.

То ли потому, что их вагон был последним, то ли еще почему-нибудь, но только платформы никакой не было.

— Вперед! — скомандовала Аня, и Бумс прыгнул. Вслед за ним полетел рюкзак (ох, только бы не разбилась банка!). Последней спрыгнула Аня и кувырком покатилась по насыпи вниз.

В ту же секунду поезд тронулся, дав прощальный гудок. Проводница, высунув руку из окна, помахала Ане флажком.

Аня огляделась. В паре метров от нее валялся рюкзак. Вода из-под него не текла, так что банка, похоже, выдержала. Не зря Аня заботливо обложила ее теплой одеждой. Бумс весело скакал, норовя закинуть грязные лапы Ане на плечи. Аня подтащила рюкзак под попу, уселась на него и осмотрелась.

Было утро. Солнце еще только разгоралось, и пели птички. Арчи высунул из куртки длинный любопытный нос и, подрагивая усами, принюхивался к новым запахам.

Станции никакой толком не было. Так, полустаночек с короткой платформой — максимум на три-четыре вагона — и покосившейся надписью «Горечанск». Позади платформы белела будка стрелочника, похожая на сахарный домик из сказки. Из трубы на ее крыше вился дымок.

Вокруг был сплошной лес. Рельсы выбегали из него и в него же впадали двумя ровными сверкающими металлическими ручьями.

Деревья обступали Аню со всех сторон. Они шумели и шелестели, нашептывая ей что-то в самые уши, вот только слов было не разобрать. Несмотря на солнце и утро, под деревьями было душно и сумрачно. Аня поежилась. Деревья эти прям-таки ее подавляли. Высоченные, с кронами до небес, деревья были здесь полными хозяевами, а сама Аня чувствовала себя не-

прошеной гостьей. Бумс тоже неожиданно присмирел и жался к ногам, что было вовсе на него не похоже.

Спрашивать, куда идти, было не у кого. Аня посмотрела на экран телефона, надеясь как-то разобраться с помощью джиписэс, и похолодела.

Сигнала не было. Никакого. Вообще.

Такого с ней не случалось ни разу в жизни!

Когда Анечка была маленькой, бабушка укладывала ее спать в своей комнате. Под тихое бормотание телевизора бабушка, поглядывая одним глазком на экран, подтыкала Ане со всех сторон одеяло и читала сказку. Например, про Гензеля с Гретель. Которых родители завели в лес и бросили. И блуждали они по этому лесу целую вечность. Пока не набрали на пряничный домик.

Со злою ведьмой внутри.

Аня, сколько себя помнила, всегда жила с бабушкой и мамой в Москве, в белой башне у метро «Авиамоторная». Три белых башни стояли одна за другой на пригорке и отовсюду были хорошо видны. И можно было идти куда хочешь, гулять по всему микрорайону, не боясь заблудиться. Потому что только оглянешься — и вот он, дом.

Мама каждый день ездила на метро на работу. Уходила рано, приходила поздно. А то и вообще уезжала в командировки.

Аня ходила в школу — английскую, специальную, через дорогу.

А бабушка никуда не ходила. Только если в магазин на углу. Когда ни придешь домой, всегда бабушка на кухне. С тарелкой борща, котлетами, оладушками, чашкой чая с охапкой сладкого хвороста.

А потом бабушка умерла.

И они с мамой остались вдвоем.

Не считая, конечно, ручной крысы Арчи, черепахи Копуши и Аниной собаки Бумса.

Копуша была вовсе даже не медлительная. Она, в общем-то, была очень даже резвая. Если ей что-нибудь вкусное швыряли в аквариум, она всегда стремительно неслась к этому чему-то и вцеплялась в него всеми зубами и когтями. И еще она больно кусалась. Если ее трогал кто-нибудь чужой. Но Аню Копуша любила. Ане она доверяла. Вытягивала черную блестящую башку из-под панциря и давала себя погладить. А еще Копуша довольно быстро росла. Чтобы черепахе было просторно, приходилось ей раз в год покупать новый аквариум. И мама всегда ворчала, что рано или поздно Копуша достигнет размеров крокодила, вылезет из аквариума и всех сожрет.

Бумс был беспородный — наполовину лабрадор-ретривер, наполовину неизвестно кто. Ничего! Все знают, что дворняги умнее и здоровее любых породистых собак. Бумс и вправду никогда ничем не болел, слушался Аню с полуслова, а при необходимости еще и проявлял инициативу. Например, подбирал и приносил, если у Ани что-то падало из кармана — расческа там или телефон. И вообще-то он был тихий и мирный, но если в темном переулке кто-то вдруг направлялся в их сторону, Бумс немедленно обнажал зубы и грозно рычал, так что злоумышленник сразу передумывал и убегал от них через дорогу.

Без бабушки квартира стала казаться Ане чужой. Когда она вечером возвращалась из школы, там было темно и тихо. Один лишь Бумс сразу кидался ей навстречу, забрасывая на плечи лапы и облизывая лицо. Да Арчи пулей слетал с батареи, где дрых весь день, и мчался к Ане через всю комнату по диагонали, размахивая для равновесия длинным голым хвостом. Вцеплялся коготками в джинсы, карабкался по ним

до рубашки, а там уж Аня его подхватывала. Всем телом крыс прижимался к ее щеке, начинал нежно покусывать за ушко, в уголок рта, щекоча усами, словно бы чего-то нашептывая...

Из аквариума высовывала голову черепаха Копуша.

Аня включала свет. Везде — в кухне, в ванной, в прихожей, в большой комнате и в маленькой. Ставила чайник, разогревала обед, оставленный мамой. Готовила уроки, отбарабанивала задание по фортепьяно. И присаживалась к компьютеру.

Пространство сразу оживало, заполняясь людьми. С ними можно было дружить, советоваться, играть в игры, говорить обо всем на свете. Ничего, что все они жили далеко, некоторые даже в других странах. Главное, что они с Аней понимали друг друга с полуклика.

В сети у Ани было множество друзей. А в жизни один только Славка Вольский.

Они со Славкой сперва ходили вместе в детсад, потом пошли вместе в школу. И хотя они часто ссорились, а по малолетству даже иногда дрались, потом всегда снова мирились.

За долгие годы Аня привыкла, входя в класс, отыскивать прежде всего взглядом Славку. Он обычно приходил раньше, и это было очень кстати —ходишь в класс, а Славка уже здесь, и, значит, все в порядке. Сидит, сгорбившись, у окна и, скосив глаза, что-нибудь читает. Когда-то, в младших классах, это были разложенные на коленях книжки, потом их сменили планшеты, затем появился первый айфон...

Аня усаживалась за парту и тыкала Славку пальцем в бок. Он тогда словно просыпался:

— О, — говорил, — привет, ты уже здесь? Знаешь, в районе Амазонки поймали неизвестную ящерицу. Вот такущую и с рогами!

— Да ну тебя, Славка! Разводят тебя, как лоха, а ты всему веришь!

— Да нет же, тут фотография! Не по-настоящему, конечно, с рогами. Просто у нее такой нарост на лбу. И прикинь, пишут, что у нее три глаза! Два спереди и один на затылке. Потому, наверное, раньше и поймать не могли. К ней же ни спереди, ни сзади не подкрадешься!

— Сказки это всё! — Аня закатывала глаза. — Достал уже своим интернетом! Вот я вчера во дворе реальную крысу встретила. Чужую и абсолютно незнакомую! Сидит такая и на меня смотрит. Я ей говорю: «Брысь!», а ей хоть бы хны. Сидит и на меня смотрит! Причем с таким видом, словно это я крыса. А она, наоборот, французская королева.

— Да, с крысою не поспоришь, — соглашался Славка. — Крыса — это факт. Тем более когда она здесь, во дворе, а ящерица амазонская далеко.

И вот они болтали так каждый день. Каждое утро, все девять лет. Кроме каникул, конечно.

На лето Славка уезжал куда-то с родителями. Аня ему завидовала. Сама она ходила в городской лагерь. Там было в основном скучно, иногда весело, а несколько раз даже и совсем прикольно. Но не было никаких сомнений, что первого сентября Аня придет в класс и опять увидит у окна Славку. Да и по скайпу они каждый день болтали. Так что иногда казалось — Славка вовсе никуда не уезжал.

В конце девятого их дороги неожиданно разошлись. Аня собиралась поступать в ветеринарную академию, поэтому подала документы в биошколу. А Славка собирался стать программистом, поэтому путь его лежал в физико-математический лицей. Экзамены им обоим предстояли нелегкие. На какое-то время друзья практически прекратили общение.

Встретились в скайпе, когда все уже было позади.

Славка в свой лицей поступил. С блеском сдал, вторым по списку прошел. А вот Аню в биошколу не взя-

ли. Экзамены-то она хорошо сдала. А на собеседовании срезалась.

— Я им говорю: «Давайте я вам этот цикл Кребса на пальцах покажу!» А они мне: «На пальцах подружкам своим будете показывать. А на экзамене извольте мыслить формулами».

— И чего они на тебя так взъелись? В программе ведь у нас нет биохимии. Хотя, если честно, Ань, я не понимаю. Формулами же куда проще, чем на пальцах.

— Кому как. Мне проще словами.

— Да ладно, не расстраивайся! Наша школа тоже хорошая. В нее вон как все ломаются. После нас хоть на филфак, хоть в иняз. И вообще, два года усиленного английского никому еще не вредили.

Аня как представила себе эти два года усиленного английского без Славки! Они показались ей двумя годами усиленного режима. Как она будет целыми днями одна? А если еще и мама в командировке... И зачем, главное?!

— Что мне этот английский, когда мне химия нужна! В академию без нее никак. Самой мне не продраться, на репетиторов денег нет. Прямо хоть вообще школу бросай, и вперед — работать. А что, я могу! Инструктором, например. На собачью площадку. Я сколько раз заболевших инструкторов подменяла. И собаки меня слушаются, и хозяева. Но ведь не возьмут раньше восемнадцати?

— Тебя-то? Да тебя куда хочешь возьмут!

— Почему?

— Ну ты такая! Умеешь на своем настоять. Когда тебе надо, все слушаются. Помнишь, как в третьем классе, когда мы кабинет рисования на пустом уроке перевернули? Завучиха такая: «Никто домой не пойдет, пока класс в порядок не приведете!» — помнишь? Все такие сидят, всем по фиг. Ты такая одна встаешь: «Ну, чё сидим?» И все такие сразу вскочили. Когда надо, ты можешь.

— Да, когда надо, я могу. Наверное.

— Ну вот. И в академию, значит, свою поступишь. Не можешь не поступить! Тебе стоит только захотеть. Просто надо собраться, тактику разработать, стратегию.

— Ой, Славка, какие ты слова красивые знаешь!

— При чем тут твой цикл Кребса? — сказал дядя Петя, клубный ветеринар, когда они с Аней после занятий на собачьей площадке уселись пить чай. — Просто они бабок слупить хотели. Нынче же без денег никуда, ни в ветакадемию, ни в биошколу.

— Вы думаете? — Аня немного приосанилась. Приятно сознавать, что сама-то ты хорошая и ни в чем не виноватая, просто обстоятельства... — А что же делать? Денег-то у нас лишних нет.

— А тебе прям очень загорелось ветеринаром? Кинологом простым не устраивает?

— Очень. Ну что кинолог? Кинолог же по собакам только. А я хочу, чтобы во всех сразу разбираться.

— Запросы у тебя — сразу чтобы во всех! Тогда тебе один путь — в веттехникум. Или, как их теперь называют, аграрный колледж. В московскую академию без блата не поступить, это и к гадалке не ходи. Другие ветинституты нынче тоже кусаются. А в техникум тебя примут, выучат на ветфельдшера. Потом для таких в ветинститутах и академиях особые факультеты, отдельный конкурс. Я знаю, сам на таком обучался.

— Правда?

— А то? Я ж деревенский, как бы я еще в академию поступил? В деревнях школы не то что у вас в Москве. Но меня сам директор совхоза лично направил. Думал, выучусь и вернусь обратно. А я, понимаешь, финт ушами сделал. Диплом красный отхватил.

С ним прямая дорога в ветакадемию. Так в совхоз и не вернулся, в Москве остался.

— А где такие колледжи, где на ветеринарных фельдшеров учат?

— В Москве нету. Они по деревням больше, в глуши какой-нибудь. При них обычно ферма учебная есть, чтоб науку сразу на практике проверять. Это ж тебе не биошкола с одной зубрежкой, а ремесло! Помню, мы на третьем курсе сами уже коров оперировали — грыжа там если, кесарево, рубец проткнуть троакарном, когда раздует. Поросят по дворам частным образом холостили! Да я и в Москве сразу пристроился породистым щенкам ушки-хвостики резать. Ремесло ж не пропешь, с ним в жизни пропасть никак невозможно! На инструктора по дрессировке мне сдавать вообще семечки были. Чего не сдать, когда меня в совхозе любая лошадь-корова с полслова слушалась. В прошлом году отдыхал в Египте, на верблюда одного только глянул — он сразу так и сел! Знаешь, как нас, ветеринаров, в деревнях называют?

— Не знаю. Как? Коновалы?

— Сама ты коновал! Скотскими богами нас кличут! Богами — ясно тебе? А народ зря не скажет. Народ, если хочешь знать...

Но про народ Ане было не интересно. При чем здесь боги? Боги — это из античности что-то.

— Дядя Петя, а в техникуме трудно учиться?

— Еще б не трудно! Тут тебе и анатомия с физиологией, и микробиология с паразитологией! Да все не как-нибудь, а по-латыни. А латынь — это тебе не ваш какой-нибудь французский-английский. Конеш, трудно! Но ничего, справлялись. Еще и работать успевали, еще и на песни-гулянки время находилось. Клуба не было, так мы в баню ночью всей группой набьемся, магнитофон включим и ну плясать! Пол дрожал! Местные потом эту баню за километр обходили. Думали, черти там завелись.

«Анатомия! Микробиология! Латынь!» — Аня восторженно смотрела на дядю Петю. Он открылся ей с совсем неожиданной стороны. Надо же! А на вид простой мужик. Лысый, с брюшком.

Гугл выдал Ане пятнадцать адресов агроколледжей Российской Федерации, где имелось ветеринарное отделение. Расположенных в сельской местности (общегитие предоставлялось). Ближайший в трех часах от Москвы.

Беда была в том, что на ветеринарное отделение принимали в основном после одиннадцатого. Вот в фермеры или зоотехники — пожалуйста. Аня уже почти отчаялась, когда в конце списка обнаружился Горечанский колледж. Судя по представленной в сети информации, в этот колледж на ветфельдшеров принимали после девятого. Правда, сайта своего у них не было, а только почтовый адрес.

Распечатав на принтере стандартное для всех колледжей России заявление о приеме, Аня приложила к нему копию свидетельства об окончании девятой, купила в киоске у метро конверт с маркой и, написав адрес, затолкала конверт в прорезь синего почтового ящика.

Ответ пришел через три недели. Аню приглашали на подготовительные курсы. Письмо шло долго, поэтому выезжать надо было прямо вот сейчас.

Конечно, если бы Аня спросила у мамы, можно ли ей поступать в находящийся за тридевять земель колледж, мама бы ей, скорей всего, не позволила. Но мама уехала в очередную командировку. Поэтому Аня просто сбросила ей эсэмэску перед отъездом.

На вокзал Аню провожал Славка. Он как раз вернулся с родителями из очередной поездки. Славка же

одождал Ане рюкзак: большой, навороченный, с кучей карманов, в которые влезло буквально все. Ну почти все. Небольшой выючок Аня приспособила на спину Бумсу.

— Знаешь, — сказала Аня внезапно, когда до отправления поезда осталось пять минут. Они со Славкой стояли вдвоем на вагонной подножке, не давая проводнице закрыть дверь. — Мне что-то боязно. Какой-то Горечанск. Его и на карте-то не найдешь. А если на гугл-мэпс посмотреть, так там вообще сплошные леса

— Наверное, он просто маленький. Да какая разница, далеко или близко! Сегодня все на расстоянии клика. Доедешь, набери меня по скайпу.

Поезд тронулся, и Славка спрыгнул с подножки.

Славка был бывалый путешественник. Знал, о чем говорил. Прошлым летом он прислал Ане с Амазонки фотографию трехглазой ящерицы.

Выхода не было. Точнее, их было слишком много — от полустанка Горечанск разбегались в разные стороны десятки тропинок.

Чертыхнувшись, Аня пихнула бесполезный телефон в карман. В такой ситуации скорее пригодился бы компас.

Порывшись в рюкзаке, Аня достала из помятого конверта листок и в очередной раз прочла:

«Уважаемая Тихонова Анна! (Имя и фамилия были вписаны от руки.)

Дирекция Горечанского аграрно-промышленного колледжа поздравляет Вас с успешным зачислением на первый курс ветеринарного отделения!

Просим Вас прибыть по месту учебы для прохождения подготовительных курсов. При себе иметь: две фо-

тографии паспортного образца, медицинскую справку формы № 286, свидетельство об окончании девятого класса, паспорт гражданина России, ручку и тетрадь.

Адрес колледжа: Российская Федерация, Энская область, Троегорьевский район, г. Горечанск, Учебный городок. По прибытии обратиться в административный корпус».

Сложив письмо, Аня снова окинула взглядом покосившуюся табличку с надписью «Горечанск». Все правильно — Горечанск Энской области. Вообще-то ничего страшного. Учебный городок вполне мог находиться в каких-нибудь ста метрах отсюда. Вон за тем дубом. Или вон за тою сосной. За этими деревьями ничего же не разглядишь!

Может, залезть на сосну и посмотреть сверху? Критически оглядев высоко уходящий в небо голый, без веток, ствол, Аня вздохнула и с сожалением отказалась от этой идеи. Что ж, делать нечего. Подхватив рюкзак и свистнув Бумсу, Аня двинулась в сторону белой будки.

Чем ближе подходила Аня, тем подозрительней казалось ей это строение. У крыльца гуляли гуси, весьма смахивающие на лебедей. Справа от крыльца росла яблоня, усыпанная снизу доверху золотистыми яблочками. Дверь была выкрашена голубой масляной краской и отмыта до блеска. Звонка не было, и Аня постучалась костяшками пальцев. Сперва нерешительно, потом второй раз и третий — все громче и громче.

На третий стук дверь наконец распахнулась. На крыльцо вышла сухонькая старушка с черными пронзительными глазами и огромным крючковатым носом. Одна нога у нее была нормальная, человеческая, а вторая, судя по громкому тюканью об пол, если и не костяная, то по крайней мере деревянная.

— Ну, — зычно спросила она, — кому там старая Яга запонадобилась?

За спиной бабки ясно просматривалась огромная, как из сказки, старинная русская печь.

Этого храброе маленькое Анино сердечко уже не выдержало. Коленки у нее подогнулись, и Аня брякнулась без чувств прямо на траву перед домом.

Собственно, кроме печи, в маленьком домике почти и не было никакой обстановки. Еще тут был маленький столик у окна, кровать, две деревянные табуретки, кованый сундук да полка вдоль стены, заставленная всякой хозяйственной утварью. В углу притулилась старинная прялка с веретеном, с которой свисали косматые комья шерсти.

Аня сидела на табуретке и пила пахучий чай с травами из большого пузатого самовара. Под столом Бумс с наслаждением грыз какую-то подозрительно большую кость с остатками мяса.

— Откуда ж ты будешь? Из самой Москвы-ы? — недоверчиво тянула старушка, заботливо подкладывая Ане в блюдце варенье. — Ты кушай, кушай, небось с утра не евши, вот и сомлела. А что ж удивительного? Москва-то небось далёко! Ты хлебушко, хлебушко-то бери, он ведь у меня све-ежий! Да как же тебя к нам занесло?

— А я, бабушка, учиться здесь буду.

— Учиться?! Где ж тут учиться, тута один лес кругом. Отсюда до Терпигорева километров пять, а до Третьих Горемычек, почитай, и все семь будет. А ближе и вовсе нет ничего.

— А как же мне, Ядвига Леокадьевна, — старательно выговорила Аня немного непривычное имя-отчество (не звать же ее в самом деле бабой Ягой, хоть она и предлагала), — в Горечанск отсюда попасть? Я там в аграрный колледж поступила. На ветеринара буду учиться.